

НАША беседа с исполнителем роли князя Нехлюдова Евгением Матвеевым происходила за кулисами Государственного академического Малого театра, в артистической комнате. На вопрос, как он работал над ролью Нехлюдова, Евгений Семенович ответил:

— Предложение Михаила Абрамовича Швейцера сделать пробу на роль князя Нехлюдова было, признаться, неожиданностью. До меня на эту роль пробовалось много актеров так называемого французского плана, по своим внешним данным, казалось бы, наиболее подходящих для создания образа благородного князя. Было много сомнений и колебаний — в это время я как раз работал над ролью Макара Нагульнова в «Поднятой целине», человека безудержного в своих страстях, грубоватого, всю жизнь проходившего в лаптях. Я вжился в эту роль, усвоил его манеру поведения, выражения, мимику, движения. И вдруг потребовалось переключение в образ диаметрально противоположного характера, образ человека из высшего общества, барина... Беседы со Швейцером уменьшили мои сомнения. Он объяснял, что не хочет видеть Нехлюдова этаким интеллигентом-хлюпиком, умиляющимся собственным слезам. Это мужественный человек, совершивший

Евгений МАТВЕЕВ

подлость и мучительно борющийся с собой за порядочность. Ключом к пониманию роли были слова Толстого о том, что в душе Нехлюдова жили два человека — духовный, жаждущий блага для людей, и животный, заботящийся только о своем благе. И на какое-то время этот животный человек подавил в нем духовного.

Надо сказать, что Нехлюдов — образ далеко не выигрышный, не очень четко вылепленный Толстым в романе. Его нельзя причислить к разряду какого-либо определенного типажа. В нем соединяются самые разнообразные, зачастую взаимоисключающие качества. Об этом хорошо говорит сам Лев Николаевич. Помните где место романа, где сказано, что «люди часто думают, что человек бывает злым или добрым, мерзким или порядочным... это неверно». Нехлюдов бросается из одной крайности в другую, все время колеблется, горячо тянется к Катюше и вдруг решает бросить все это, а потом оказывается в Петербурге ходатаем за нее. И для меня путеводителем в этом сложном психологическом лабиринте было режиссерское указание — не играть одну сторону характера, а иг-

рывать все противоречивые качества, присущие Нехлюдову.

Нехлюдов такой, каким он предстает в фильме, — это плод больших раздумий режиссера, принципиальных поисков. Швейцер делал картину современную, а не ожив-

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

шую фотографию минувших эпох. Это сказалось и в общем стиле картины. Отпали многие бытовые детали, подробности обстановки. Разумеется, исторический фон был сохранен и передан верно, но не скрупулезно. В какой-то мере мы стремились осовременить и костюмы наших героев, и детали интерьера. Например, даже в таких «мелочах», как пальто Нехлюдова, его манера завязывать галстук, в его очках (которые, кстати сказать, долго и мучительно искали в обширном хозяйстве реквизиторов «Мосфильма») мы, не противореча исторической правде, находили такие формы, которые не очень далеки были бы от современных. Это делалось для того, чтобы не превратить наших героев в музей исторических персонажей, разбудить у зрителя ассоциации с современностью.

Не показ того, как «жили князья», не нафталин прошлого привлекали нас в «Воскресении». Сверхзадача фильма — раскрыть внутреннюю борьбу человека за порядочность. А порядочность — очень современное слово. Порядочность — это очень важное качество для людей, борющихся за по-

строение справедливого, коммунистического общества. Нужно было показать, как Нехлюдов, возненавидевший среду, из которой он вышел и в которой жил, возненавидел и в себе все гадкое, низкое, свой эгоизм, себялюбие. Как он стремится воскресить в себе и в Катюше Масловой веру в прекрасное, в людей. И вот эта борьба за порядочного человека и составляет, на мой взгляд, основной стержень образа Нехлюдова.

— Какую роль хотели бы вы сыграть после Нехлюдова?

— До сих пор получалось так, что я снимался только в экранизациях различных литературных произведений. Мне очень хочется сыграть своего современника. Поверьте, это не рисовка, а просто потребность души, и я в Нехлюдове искал черты современного человека. Хочется создать образ человека, который живет с тобой рядом, я знаю его, его мысли, желания, движущие мотивы его поступков. К сожалению, пока я не нашел такой роли ни в кинематографе, ни в театре.

Олег БЕЛЯВСКИЙ.

Московская кинолента, 1962, 6 мая